

А. Кизветтер: Чехи в Москвѣ в 1867 г.	251
Среди книг: Ив. Херасков: Теорія исторической науки.	
— С. Мельгунов: Книга фантазій и противорѣчій.	
— Ив. Херасков: Очерк исторіи Древняго міра.	
— Д. Дорошенко: Украина в XVII—XVIII в.	
— В. Мякотин: Воспоминанія Сухомлинова.	
— А. Маклецов: Кодификація краснаго террора.	
— С. Мельгунов: Независимость Грузіи.	
— П. Степанова: Нѣмецкій историк о гражданской войнѣ.	
— Б. Миркин-Гецевич: Россія и Европа в началѣ царствованія Александра II.	
— Книги, полученные для отзыва	271
Мелочи: О Полевом	64
Фурьеристская литература	102
Обмѣн обязательствами	156
Защитник дам	186
Авеф в Германіи	250
О стихотвореніи Жуковского: «Первая утрата»	270

Русскій Заграничный Историческій Архив в Прагѣ.

К русским людям за рубежом.

Объявленія.

ПЕТР ВЕЛИКІИ И ЕГО РЕФОРМА

(К двухсотлѣтней годовщинѣ)

I

10 февраля (28 января) этого года исполнилось двѣсти лѣтъ со времени смерти Петра Великаго. Несмотря на столь отдаленный срок, мы чествовали память Петра, как недавно чествовали память Пушкина, — как в нѣкотором смыслѣ нашего современника. Никому из нас, однако, не пришло бы в голову чествовать в этом смыслѣ кого-нибудь из исторических дѣятелей, предшествовавших Петру. Дѣлались правда, попытки, в противоположность Петру, идеализировать «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича (XVII в.). Пытались реабилитировать память Ивана Грознаго, как «демократическаго» царя (XVI в.). Зажигали неугасимую лампаду перед святым Сергіем Радонежским (XIV в.). Но все это — искусственныя, книжныя, надуманныя попытки. Напротив, с Петром нас связывает живое чувство родства и общности идей. В нем мы узнаем себя и в себѣ — его. Громадная фигура перваго русскаго императора заслонила от нас непроходимой стѣной царей и дѣятелей архаической московской эпохи. Правда, наука и политика пробовали неоднократно разрушить эту стѣну. Но ни наука, ни политика не могли побѣдить нашего непосредственнаго чувства. В чем же тут дѣло?

Петр для нас не только предмет исторических изысканій. Он есть необходимая составная часть нашего практическаго отношенія к русской жизни. И мы не можем пройти мимо этой фигуры, когда опредѣляем свое отношеніе к этой жизни. Правильно говорил еще историк Погодин, что Петр сопровождает нас на каждом шагу нашей повседневной жизни. Мы встаем с постели и одѣваемся в наш ежедневный костюм. Это Петр одѣл нас во «французское» платье, сняв с нас старое, національное московское. Мы беремся за номер газеты: Петр дал Россіи первую ежедневную газету. Мы принимаемся читать: это буквы и цифры Петра. Он ввел «гражданскій» шрифт и арабскія цифры в об-

щее употребление, отмѣнив старый — «церковный» — алфавит и означеніе цифр буквами, при котором вы никак не можете воспользоваться выгодами десятичнаго счисленія. Какое сегодня число, какой год? Это Петр ввел лѣтосчисленіе от Рождества Христова и с января, вмѣсто стараго «церковнаго» — от сотворенія міра и с сентября. Во всѣх этих чертах — и стольких других — Петр секуляризировал внѣшность русской жизни — и тѣм положил начало ея внутренней секуляризації: свѣтской наукѣ и свѣтской мысли. В этом смыслѣ Петр сдѣлался родоначальником русской интеллигенціи, — и это одно отдѣляет его от русскаго прошлаго и соединяет с русским настоящим и будущим. Дальше я сдѣлаю необходимыя оговорки; но когда мы разсматриваем явленіе Петра с этой высоты и в таких общих и главных чертах, то водораздѣл между нашей древней и новой исторіей ясен: он идет через реформу Петра Великаго.

Есть ли это дѣленіе — особенность Россіи? Разумѣется, нѣтъ. Оно повторяется у всѣх народов, способных подняться от средневѣковья к современной культурѣ. Мы только запоздали на нѣсколько столѣтій сравнительно с ренессансом и реформаціей — явленіями, с которыми только и можно сопоставлять петровскую реформу. Там, как у нас, с этого, болѣе ранняго, момента началось единое національное сознание и непрерывная социальная память. Особенность Россіи лишь та, что наступленіе культурной возмужалости прошло в ней в болѣе рѣзких чертах и разрыв с порой туманной юности оказался полнѣе, чѣм на западѣ Европы. Объясненіе этого мы еще увидим. Сейчас замѣтим лишь, что именно параллелизм нашего процесса с европейским, доказываемый реформой Петра, показал, что мѣсто Россіи не в Азіи, а в Европѣ.

II

Естественно, что при таком размахѣ и при таком своем значеніи, как перелома между старым и новым, реформа Петра стала предметом самой ожесточенной борьбы между защитниками старины и сторонниками новизны. Борьба эта началась во время самой реформы — и не кончилась еще даже и в наше время. Но по мѣрѣ того, как реформа Петра вросла в жизнь, по мѣрѣ того, как Россія европеизировалась, измѣнялись и характер оппозиціи реформѣ и аргументы защитников старины. Прослѣдив, хотя бы бѣгло, эти измѣненія, мы легче подойдем к пониманію самаго существа петровской реформы.

Для современников Петра одно было несомнѣнно, — все равно, были ли они сторонниками или противниками реформы. Они видѣли своими глазами, что реформа была продуктом личной воли реформатора, что она была введена насильно и что результатом ея был крутой и рѣшительный разрыв с прошлым. В сознаніи совре-

менников переменѣна была так внезапна и грандіозна, что казалась каким-то чудом и создавшая ее воля представлялась нечеловѣческой волей. Для поклонников Петра и его учеников — это была божественная воля. «Он Бог твой, Бог твой был, Россія», восклицал наш поэт Ломоносов. Для врагов — сверхчеловѣческая воля Петра была волей дьявольской. В народной массѣ твердо установилось мнѣніе, что Петр — антихрист. Прошло полвѣка и, при императрицѣ Екатеринѣ II, новое поколѣніе отнеслось к Петру болѣе спокойно. Петровская культура к тому времени была усвоена — но только одним высшим правящим слоем дворянства. Она сдѣлалась отличительной чертой «благороднаго російскаго шляхетства» от «подлости», как тогда называли низшіе классы. Рѣзче, чѣм при самом Петрѣ, прошла тогда грань между верхом и низом русскаго общества. Среди интеллигенціи тогда не было сомнѣнія в революціонном характерѣ петровской реформы. Но в виду ея классоваго характера молодая оппозиція времени Екатерины стала рѣзче подчеркивать происхожденіе реформы — сверху и извнѣ. Реформа была введена сверху, бюрократическим путем и против желанія народа: слѣдовательно, она была не демократична. Она была заимствованіем извнѣ, из-за границы: слѣдовательно, она была не национальна. Как видим, нападеніе шло сразу с двух противоположных концов, демократическаго и націоналистическаго. Но при Екатеринѣ эти два теченія еще не составляли двух политических лагерей и часто сливались. Между демократом Новиковым и націоналистом Болтиным не было рѣзкой разницы. И самыя эти названія, которыя я употребляю здѣсь для большей отчетливости, не были еще употребительны в то время. Во всяком случаѣ, аргументы тогдашних демократов и националистов против реформы Петра были различны. Если демократы возражали против реформы, как навязанной властью и усвоенной только правящим классом, то националисты осуждали ее, как рабское заимствованіе у иностранцев, отклонившее народ от древних патриархальных «добродѣтелей» и развратившее новым комфортом социальные верхи. Тѣ и другіе сходились в обвиненіи, что Петр повернул русскую исторію на неправильный путь и что с этого пути она должна быть возвращена на путь нормальный, — народный и в смыслѣ демократическом и в смыслѣ националистическом.

В тридцатых и сороковых годах XIX столѣтія демократическая оппозиція Петру отдѣлилась от оппозиціи націоналистической. Вмѣстѣ с тѣм оба теченія углубили свою аргументацію. Русскіе националисты, которым принадлежал перевѣс в этот період проникновенія к нам европейскаго романтизма, построили очень стройную и очень абстрактную теорію русскаго историческаго процесса. По этой — так называемой «славянофильской» — теоріи, Петр, оторвав русскіе верхи от низов и денационализировавъ первые, измѣнил русскому исконному народному духу. Истинный

русский дух для славянофилов исчерпывался восточной формой христианской религии и воплощался в социальной форме русской «общины», крестьянского «мира». То и другое принималось за выражение свойственной славянству особенной черты — братской любви. Петр ввел дух насилия, вообще свойственный государству, но в особенности свойственный государству русскому, явившемуся сверху и извне («варяги»). Петр открыл путь слепому подражанию иностранцам, которое исказило народный характер. Русские демократы, которые в конце этого периода становились социалистами, приняли славянофильский тезис. Но они замѣнили в нем идеи славянской и христианской братской любви — идеей социалистического коллективизма. Выразителем этого коллективного народного духа продолжала служить для них крестьянская община. Крестьянин, член «мира», был для наших молодых социалистов природным социалистом, не знавшим только, что он «говорит прозой», но имѣвшим сказать миру свое новое слово и открыть новую эру в истории человечества. Легко догадаться, что учителем и славянофилов, и социалистов при этой конструкции был германский философ Гегель.

Но кто же тогда защищал Петра, если его не хотѣли защищать не только естественные противники новизны, националисты, но и естественные его защитники, прогрессисты, становившиеся социалистами?

Сознательно или бессознательно, на сторонѣ петровской реформы стояло, конечно, большинство образованного класса, совпадавшего до середины XIX вѣка с классом дворянским. Но и среди интеллигенции в узком смыслѣ этого слова за Петра была довольно пестрая вначалѣ группа, называвшая себя, в отличіе от славянофилов — «западниками». В их рядах стояли и будущіе социалисты, как Бѣлинскій, энтузиастически поклонявшійся Петру, и будущіе либералы — и даже будущіе консерваторы. Тѣ, другіе и третьи раздѣлились окончательно только послѣ польскаго возстанія 1863 г. Западники рѣшительно приняли на себя защиту реформы Петра в том пониманіи, как она представлялась тогда. Они защищали тезис о заимствованіи с Запада, не смущаясь обвиненіями в антипатріотизмѣ. В отпор славянофилам, они смѣло отрицали культурное значеніе «исконных» русских начал, старой формы государственности и старой формы вѣры, и считали необходимой европейскую прививку, даже признавая ее искусственность и вѣшнее происхожденіе. В крестьянской общинѣ они видѣли не проявленіе православнаго духа, смѣшиваемаго с народным, а просто переходную форму земельной собственности, не «исконную» и не вѣчную, а напротив, появившуюся довольно поздно под вліяніем московскаго государства (спор либерала Чичерина с славянофилом Бѣляевым). Гораздо позднѣе они согласились признать древность общины, но подчеркивали ее примитив-

ность, ее принадлежность всѣм народам в эпоху их дѣтства — и ее неизбежное исчезновеніе с развитіем культуры.

Послѣ отдѣленія русских либералов от социалистов, в шестидесятых и семидесятых годах XIX столѣтія, именно из среды либералов-западников вышла новая попытка оправданія петровскаго переворота. До того времени западники принимали общій традиціонный тезис о внезапности, случайности и искусственности реформы Петра, как личного творенія реформатора. Теперь, опираясь на научныя изслѣдованія, они рѣшились отдѣлить твореніе от творца и истолковать его, не как заимствованіе и з в н ѣ, наложенное могучей волей с в е р х у, а как неизбежный и естественный фазис русской исторіи, органически связанный со всѣм ходом историческаго процесса. Для реформы Петра найдены были прецеденты и движущія силы уже в XVII вѣкѣ. Появленіе Петра было объяснено необходимостью завершить эти, давно начавшіеся процессы. Если нужно связать это толкованіе с опредѣленным именем, я назову имя историка Соловьева. Тезис Соловьева был развит т. н. московской школой историков. Но, раз спор был перенесен западниками на почву историческаго объясненія, то к научному методу прибѣгли и противники Петра, наслѣдники прежних славянофилов. Если реформа Петра так тѣсно связана с прошлым, если она является продуктом всего предыдущаго развитія Россіи, то, очевидно, уменьшается или вовсе исчезает личная заслуга преобразователя. Петр, значит, не есть тот гигант, каким его представляли себѣ поколѣнія его друзей и врагов, не полубог, а простой исполнитель величій исторіи. Раз став на этот путь, нетрудно было дойти и до утвержденія, что Петр — слѣпой исполнитель. Начинается полоса развѣнчанія Петра. Сильной подпорой этому развѣнчанію героическаго элемента реформы является в девяностых годах марксизм («историческій матеріализм»).

Мы, таким образом, видим, что вопрос о Петрѣ, спор о его реформѣ остается все время центральным в борьбѣ двух русских политических теченій. Путем непрерывнаго возвращенія к этому спору мы от наивнаго взгляда современников, имѣющаго, однако, все значеніе непосредственнаго свидѣтельства, дошли до объясненій современной науки. Объективный научный матеріал для объясненія реформы при этом чрезвычайно увеличился. Но не потеряла значенія и старая политическая рознь и, чисто-теоретическій, философско-историческій спор.

III

В предѣлах этой статьи невозможно, конечно, сколько-нибудь полно передать результаты научных изысканій о Петрѣ и его реформѣ. Я позволю себѣ передать лишь, по необходимости отрывочно, результат моих собственных архивных работ по изученію источников и послѣдствій Петровской реформы.

Я подошел к вопросу методом историко-материалистического изучения, господствовавшим над умами историков в восьмидесятых и девяностых годах. Чѣм была вызвана реформа в экономической жизни Россіи, в ея финансовой исторіи, в исторіи ея учреждений? Каковы были результаты реформы во всѣх этих областях жизни? Вот вопросы, которые почти не ставились предыдущими изслѣдователями культурной, военной и дипломатической стороны реформы. В отвѣтъ на них я надѣялся найти разгадку спора о степени органичности или искусственности дѣла Петра. Я погрузился в изученіе бюджета петровскаго времени, считал приходы и расходы, изучал налоговую систему, подсчитывал итоги земельных переписей — своего рода кадастра того времени — разыскал литературу совѣтчиков Петра и в ней старался подслушать руководящія идеи петровских реформ. Я попытался затѣм связать все это документальными свидѣтельствами архивов о тѣх же сторонах русской жизни, начиная с начала XVII столѣтія. Результаты вполнѣ вознаградили меня за этот подчас скучный и кропотливый труд.

Мнѣ стало ясно, что эти двѣ черты, искусственность и органичность реформы, вовсе не находятся между собой в непримиримом противорѣчьи. И это дало мнѣ возможность вернуться от развѣнчанія и умаленія дѣла Петра к впечатлѣнію его современников о громадности его личнаго вклада. Реформа была органична, в смыслѣ несомнѣнной глубокой связи ея с предшествовавшими процессами XVII вѣка — и столь же несомнѣнной связи с дальнѣйшим развитіем Россіи. Но в то же время реформа несомнѣнно была и лична и искусственна, как проявленіе даже не воли, а произвола законодателя. Она была зараз и стихійна, и лична, глубока и поверхностна, монолитна и мозаична. И, что особенно стало для меня очевидно: реформа эта при всей видимости иностраннаго заимствованія, при всем подчас рабском копированіи иностранных образцов, была глубоко національна и в своих положительных, и в своих отрицательных чертах. Она была національна и в своих методах, и в своих результатах, и в самой личности преобразователя. Именно роль личности Петра и вскрывается особенно ясно при изученіи безличных процессов. Конечно, его реформа в весьма значительной степени совершалась внѣ воли и даже внѣ сознанія реформатора, в цѣлом рядѣ отдѣльных стихійных процессов. Но всѣм этим процессам именно Петр дал могучій хотя часто и невольный толчок. И как бы далеко мы ни уходили из кабинета Петра или из его походной канцеляріи в самые глухіе уголки русской провинціи, в самую гущу жизни, личность Петра видна отовсюду и вездѣ слѣдует за нами. «Никуда от него не уйдешь»: в этой народной жалобѣ лучше всего формулировано вездѣсущіе Петра.

Вмѣсто доказательств этих положеній мнѣ приходится давать отдѣльныя иллюстраціи и поневолѣ быть очень отрывочным. На-

чну с маленькаго свидѣтельства современника Петра о том зернѣ, из котораго выросло вѣтвистое и громадное дерево петровской реформы. Пишет сверстник Петра, князь Борис Куракин, — очень интересный мемуарист, образный язык котораго ярко отражает тот хаос новых культурных впечатлѣній, в который поверг Россію Петр. Кн. Куракин рассказывает, какія искусства знал Петр, когда на двадцать третьем году жизни заканчивал десятилѣтній період своего самообученія (1686—1695). «Мастером голландскаго языка был дьякъ посольскаго приказа, Андрей Виніус. Для экзерцицій на шпагах и лошадях — сын датскаго резидента Бутенанта. А для математики и фортификаціи и других артеи (arts), как токарнаго мастерства и для огней артифиціальных один гамбургченин Франц Тиммерман. А для экзерцицій солдатскаго строя еще в малых своих лѣтах обучился от одного стрѣльца, Присвова Обросима, Бѣлаго полку, по барабанам — от старосты барабанщиков Ѳедора, Стремянаго полку. А танцовать по польски — с одной практики в домѣ Лефорта... дебошана французскаго».

Как видим, это не совсѣм похоже на школу, которую заставляют проходить наслѣдников престола. Петр — самоучка и дилетант, и его пестрые знанія есть плод его юношеских «забав», постепенно переходивших в серьезное дѣло. Нельзя сказать, чтобы в Россіи того времени невозможно было узнать ничего другого. Вот, рядом с этими упражненіями юнаго Петра, его соперник, возлюбленный его старшей сестры и регентши Софьи, кн. Василій Голицын. Он тоже готовит для Россіи реформу, которая отчасти даже совпадает с петровской, но в которой есть обдуманность — плод чтенія серьезных книг, есть извѣстная система и план, тогда как у Петра в этот період — один только спорт и безсистемные дилетантскіе порывы. План Голицына — создать регулярную армію, завести сношенія с заграницей, ввести в Россіи полную свободу совѣсти и вѣры, посылать дѣтей для ученія за границу, замѣнить натуральное хозяйство денежным, колонизовать незаселенныя русскія степи, оживить торговлю, освободить крестьян из крѣпостной зависимости, сдѣлать их богатыми (свидѣтельство Невилля). А вот свидѣтельство другого иностранца, Корба, о цѣлях молодого Петра. Это «тяжелыя забавы любителей славы: военное искусство, потѣшные огни, пушечная стрѣльба, кораблестроеніе». От упражненія к упражненію: каждое послѣдующее заводит Петра все в болѣе широкій круг отношеній. Сперва маленькій кораблик на прѣсном озерѣ, потом игрушечная флотилія на Азовском морѣ — и для ея примѣненія — война с Турціей, несчастливо кончившаяся. Потом настоящая, дополнительная школа судостроенія — и для этого поѣздка в Голландію и Англію, потом судостроеніе у себя дома, в бассейнѣ Балтійскаго моря, судостроеніе в Черноморском бассейнѣ, потом опять возвращеніе на Балтійское море. Все это с огромными затратами — людьми и деньгами, — и все бросается раньше окончанія, на полдорогѣ. Соотвѣтственно этим мѣнявшимся-

ся затѣям происходят и скачки во внѣшней политикѣ. В этой непрерывной суматохѣ трудно разобрать, гдѣ кончается спорт и начинается серьезное военное дѣло. Можно только сказать, что реформа уже началась фактически, прежде чѣм кончилось поражением первое «младенческое играніе» в войну с турками. Мечтатель Голицын со своими благородными теоретическими планами был в это время уже побѣжден петровскими «потѣшными» солдатами и отправлен в ссылку. А «тяжелыя забавы» грубо-реалистической и активной натуры Петра развернулись в цѣлый ряд войн, казавшихся препятствіем какой бы то ни было систематической реформѣ — и тѣм не менѣе приведших Россію в Европу и Европу в Россію.

IV

Такое происхожденіе реформы сразу налагает на нее опредѣленную печать. В ней, прежде всего, отсутствует какой-либо общій план. Когда нужно указать этот план, у Петра есть в запасѣ всего одна фраза, — и та подсказана ему Лефортом. Это — «рощеніе російской славы». Только во второй половинѣ царствованія, в послѣдніе десять лѣтъ (1715—1725) Петр начинает серьезно задумываться над второй задачей своего правленія, над «введеніем добрых порядков». А в промежуткѣ он строит свой флот, постоянно мѣняя морскія задачи, упражняет свою армію, тоже постоянно мѣняя театры войны, поневолѣ втягивается в запутанныя международныя отношенія, в которых с трудом разбирается между интересами Франціи и интересами Австріи. Среди всей этой бурной и спазматической карьеры Петр не только не думает о «добрых порядках» внутри Россіи, но, напротив, без всякаго колебанія разрушает остатки «добрых порядков», сохранившихся от XVII столѣтія, — как только это оказывается нужным, чтобы стянуть в свои руки всѣ силы и всѣ средства утомленной и истощенной страны. Единственная цѣль Петра при этом — во что бы то ни стало закончить побѣдой затянувшуюся военную борьбу. Справедливость требует сказать, что и его соперник, шведскій король Карл XII, поступает приблизительно так же с своей, несравненно болѣе культурной страной. В Швеции вы найдете тѣ же слѣды разоренія, как и в Россіи.

Преслѣдуя исключительно свою главную цѣль, Петр не останавливается перед цѣлым рядом мобилизацій взрослога населенія Россіи — и не только для комплектованія своих полков. Сотни тысяч рабочих наряжаются со всѣх концов Россіи на принудительныя работы по постройкѣ верфей и гаваней на Балтійском и Черном морях — построек, которыя болѣею частью не доводятся до конца, ибо не поспѣвают за перемѣнами планов Петра. Другія сотни тысяч рабочих гибнут от непогоды, болѣзней и изнурительнаго труда на принудительной постройкѣ Петербурга,

— петровскаго «парадиза». Это тот способ, которым фараоны строили свои пирамиды.

В результатѣ мы видим громадное уменьшеніе населенія по всей Россіи. В старом московском центрѣ — уже к 1710 г. убывала цѣлая четверть крестьянских дворов. На всем русском сѣверѣ, который уже в XVII вѣкѣ облагался, вмѣсто военной службы, особенно тяжелыми налогами и повинностями, это запустѣніе крестьянских жилищ доходит до страшнаго цифры, 40%. На западной границѣ (Смоленская губернія) убывала пятая часть (21%), на югѣ, тогда еще незаселенном, около одной восьмой (13,7).

Так же безцеремонно, как с населеніем, Петр обращался и с русскими учрежденіями. Он увеличил вчетверо (сравнительно с 1680 г.) военные расходы Россіи, составившіе при нем четыре пятых бюджета. Ни старые налоги, ни старыя учрежденія не могли удовлетворить такого роста потребности. Деньги были нужны Петру до зарѣзу, сейчас же, и он берет их, гдѣ попало, — в ближайшем центрѣ, от генеральных штабов своих генералов, от их расквартированных полков. Так создаются, в процессѣ военных операций, восемь импровизированных военно-финансовых округов: это — первыя русскія «губерніи». Одновременно с этим старыя центральныя учрежденія перестают функционировать. Наступают годы полнаго хаоса в управленіи. Зато расчищается мѣсто для созданія — впервые в Россіи — системы усовершенствованных и правильно координированных центральных учрежденій (шведских «коллегій») во главѣ с «сенатом».

Как видим, разрушеніе здѣсь предшествует созиданію. Разрушеніе — стихійно и хаотично. Созиданіе должно бы было быть систематичным и сознательным. Но Петру некогда. Созиданіе «добрых порядков» начинается урывками, в короткіе промежутки между походами и поѣздками Петра. Он безпрестанно носится из конца в конец своего обширнаго государства и бывает дома только во время Рождественских праздников. Тут он наскоро прочитывает многочисленныя записки официальных и неофициальных совѣтников о необходимых реформах, покрывает их крестами и замѣтками на полях, отдает лаконическія распоряженія — и снова исчезает надолго. Опыт производится наудачу, наощупь, — пока новый приѣзд Петра не вызовет спѣшной провѣрки и новаго сильнаго толчка, часто совсѣм в другом направленіи. Так, от эксперимента к эксперименту, реформа провѣряет себя, учится на населеніи и... прежде чѣм она, наконец, будет закончена, надломленный организм Петра не выдерживает. Послѣ его смерти отпадают эти черезчур индивидуальныя импульсы, и реформа предоставляется своим собственным внутренним достоинствам. На время она останавливается, регрессирует, потом новыя историческія толчки двигают ее вперед, наполняют новым духом, оправдывая предвидѣнія Петра.

Ибо, все же, в этом рядѣ беспорядочных на вид и лихорадочных толчков есть общая цѣль, которая их связывает, и есть известное внутреннее единство. Чтобы найти эту цѣль и это единство, надо поставить реформу Петра в связь с общим ходом русскаго историческаго процесса в его прошлом и будущем. Сопоставьте петровский процесс разрушенія с тѣм, что предшествует ему в XVII вѣкѣ. Вы увидите там тѣ же нужды, тѣ же государственныя потребности, которыя, правда, чрезвычайно увеличились количественно и сгустились на коротком промежуткѣ петровской реформы, но которыя ощущались и раньше — и уже оказали свое вліяніе на усовершенствованіе русской податной системы, русских административных учреждений, русскаго военнаго дѣла. Нигдѣ петровская реформа не связана так тѣсно с допетровскими историческими процессами, как именно в этом процессѣ ускореннаго разрушенія. Разрушается старое, уже подгнившее зданіе; зато для новаго зданія — болѣе современнаго стиля — фундамент уже оказывается готовым: он построен предыдущей исторической эпохой.

Вы видите теперь, как сливаются воедино обѣ стороны объясненія реформ, казавшіяся раньше непримиримыми: и то объясненіе, согласно которому общій ход реформы был неизбежен и реформа являлась исторической необходимостью, — и то другое объясненіе, что реформа, благодаря насильственной петровской ломкѣ, приобрѣла тот темп, который из реформы сдѣлал революцію.

Тут можно спросить, однако: но развѣ одна только переменѣна темпа сдѣлала из петровской реформы — революцію? Вѣдь в таком случаѣ, замедлив темп, можно было бы и избѣгнуть этой революции? Уж не прав ли тот писатель времени Екатерины, который пытался точно вычислить, на сколько лѣтъ растянулась бы реформа, если бы выкинуть из исторіи кипучую натуру реформатора? По этому расчету вышло бы, что лѣтъ через сто или двѣсти Россія пришла бы к тому же самому, к чему принуждала ее насильно властная рука Петра, но тогда дѣло обошлось бы без рѣзкаго разрыва с прошлым, без того океана страданій, который был обрушен Петром на населеніе. И дѣйствительно, аристократическая оппозиція времени Петра утверждала, по свидѣтельству Фокеродта, что ни в созданіи регулярной арміи и флота, ни в активной внѣшней политикѣ и войнах Петра, ни в созданіи на пустынной финской окраинѣ новой русской столицы, — этого «окна в Европу», не было никакой спѣшной нужды для страны, которая только и желала жить со всѣми в мирѣ. Эти мнѣнія раздѣлял и сын Петра, Алексѣй, — и за это был замучен пытками.

Конечно, трудно гадать, как пошла бы русская исторія, если бы не было Петра. Но все же мы имѣем нѣкоторую возможность судить, в какой степени не только реформа сама по себѣ, но и

самый ея темп, ея спѣшность, были необходимы, а не являлись случайным капризом самодержавной воли.

Спѣшность подсказывалась уже прошлыми стадіями русскаго историческаго процесса, который и до Петра пошел ускоренным темпом. Русское государство уже и до Петра не было готово к выполненію тѣх функций, к которым принудили государственную власть осложнявшіяся с расширеніем территории задачи управленія и географическое положеніе Россіи среди ея сосѣдей. Эволюція государства давно уже опережала в Россіи эволюцію населенія и его матеріальнаго быта, вынуждая тѣм ускоренный и насильственный рост государственных учреждений. До Петра уже обрѣфовались важныя послѣдствія такого ускоренія темпа. При Петрѣ они лишь достигли своего апогея. С другой стороны, необходимость спѣшности можно провѣрить и дальнѣйшим развитіем реформы Петра при его преемниках. Правда, не всѣ стороны реформы оказались одинаково настоятельными, хотя всѣ они были жизненными. Та или иная сторона оказалась нѣсколько преждевременной. И эти стороны или отпали, или остались в зародышѣ в ожиданіи благоприятнаго момента, который все-таки наступил, или, наконец, деформировались соотвѣтственно условіям русской дѣйствительности.

Та и другая провѣрка — прошлым и будущим — приводят во всяком случаѣ к одному и тому же выводу. Петровская реформа произошла в спѣшном, революціонном порядкѣ не столько даже потому, что реформа запоздала сравнительно с внутренними и русскими потребностями, сколько потому, что вся русская жизнь страшно запоздала сравнительно с процессами, происходившими в Европѣ. Приемами Петра Россія старалась наверстать потерянное время. Были стороны жизни, в которых это уже тогда стало совершенно необходимо. Были другія стороны, гдѣ Петр дал могущественный толчок своим послѣдователям и ближайшим потомкам к сознанію этой необходимости. Когда, на примѣр, Петр принялся вводить в Россіи промышленность искусственными приемами меркантилизма, то это оказалось, при тогдашней низкой степени развитія русской городской жизни, несомнѣнно, нѣсколько преждевременным. Это видно из того, что уже пять лѣтъ спустя послѣ смерти Петра (1730) значительная часть петровских фабрикантов при провѣркѣ оказалась «подложными» и «недѣйствительными» фабрикантами, записавшимися в это званіе только для полученія привилегій. Из сотни фабрик, открытых Петром, только два десятка уцѣлѣли ко времени Екатерины II (1780). Только при этой императрицѣ русская индустрія начала, наконец, становиться на собственные ноги и продолжала существовать уже не расчетом на казенныя субсидіи, а побужденіями собственнаго интереса. Из этого, однако, не слѣдует, что попытка Петра показать необходимость національной промышлен-

ности даже и для земледельческой страны прошла совершенно безслѣдно.

Иначе обстоит дѣло с такими сторонами реформы, как техника военного дѣла. Здѣсь уже с конца XV вѣка почувствовалась неотложная необходимость для московскаго правительства стать на уровень техники, по крайней мѣрѣ, ближайших сосѣдей. А в теченіе XVII вѣка были произведены двѣ большія военныя реформы (1620 и 1660—80 гг.). Вторая из них уже составляла прямой переход к военной реформѣ Петра. А необходимость реформирования военного дѣла влекла за собой автоматически уже указанныя измѣненія: реформу налоговой системы и перестройку государственных учреждений. Петр забѣжал тут вперед только в одном отношеніи. Слѣдуя лучшему тогда в Европѣ образцу, шведскому, он ввел дорого стоящій аппарат управленія с большим количеством бюро и чиновников, который тотчас послѣ его смерти был упрощен и возвращен почти к старой московской системѣ. Таким образом, «введеніе добрых порядков» в этой области осталось на бумагѣ.

Было немало преждевременнаго во внѣшней политикѣ Петра. Малороссійскій гетман Самойлович совѣтовал еще предшественнику Петра, Василию Голицыну, не торопиться с походами к Черному морю, с борьбой с турками, и тѣм болѣе, с освобожденіем балканских народностей. Неудача походов Голицына и, послѣ Петра, войны Анны Иоанновны, вполне подтвердила основательность этого совѣта. Чтобы поставить всѣ эти задачи на очередь, нужно было еще предварительно колонизовать южную русскую степь и фактически придвинуться к Черному морю. Это было до нѣкоторой степени достигнуто только при Екатеринѣ II, когда и были поставлены серьезно всѣ только что названныя задачи. Понятно, почему и попытки Петра в направленіи Чернаго моря окончились полной неудачей. Еще менѣе подготовлены были исторіей военныя предпріятія на Кавказѣ и в передней Азій, которыя Петр отчасти осуществил, отчасти готовил в послѣдніе годы своего царствованія. Напротив, его инстинкт, подсказавшій ему движеніе к Балтійскому морю, оказался правильным, своевременным и был оправдан исторіей. Этого вывода не может измѣнить даже совершившееся теперь отпаденіе областей, пріобрѣтенных Петром от Швеціи на Балтійском морѣ. Выход на это море был существенной частью нашей европеизаціи. И как ни велики жертвы, принесенныя страной для Сѣверной войны, длившейся в теченіе большей части петровскаго царствованія (1700—1721), жертвы эти были принесены не даром. Нельзя было отсрочивать международную конъюнктуру, которая вела к подобному успѣху. Это значило бы пропускать случай — и, быть может, пропустить его безвозвратно. Петр «взял случай за волосы», как выражался Фридрих Великій, — и без его удачи в этом дѣлѣ мы, быть может, не имѣли бы «петербургскаго періода» нашей исто-

риі. Россія не могла бы стать так, сравнительно, рано европейской державой.

V

Есть случай — и весьма важный, — когда спѣшная реформа Петра была объективно-необходима и неотложна и тѣм не менѣе оказалась субъективно нѣсколько преждевременной. Этот интересный и поучительный случай мы наблюдаем в области культурной реформы — главнѣйшей и наиболѣе бросающейся в глаза современникам стороны дѣла Петра. Объективно безспорно, что тогдашняя Россія отстала в своем культурном развитіи на много столѣтій от западной Европы. Но столь же не сомнѣнно, что поднятіе культурнаго уровня населенія не могло быть достигнуто в нѣсколько лѣт — или даже в нѣсколько десятков лѣт — законодательными мѣрами, административными распоряженіями правительства. Объективная необходимость поспѣшить вытекала здѣсь из самаго факта сближенія Россіи с западной Европой. Когда в XV вѣкѣ европейцы «открывали» Россію, — как они открывали Америку, — полная изоляція Россіи от Европы могла проходить для нея безнаказанно. Но положеніе совершенно измѣнилось к началу XVIII вѣка. Остаться в состояніи полной изоляціи Россія не могла. Однако, субъективно, Россія совершенно не была еще готова к общенію — в особенности культурному — с Европой. Это внутреннее противорѣчіе сказалось в исторіи русской культуры капитальным фактом: спѣшно окультурить удалось только социальныя верхи русскаго общества — и этим они были оторваны от социальных низов. Явленіе это, конечно, свойственно не одной Россіи, но в Россіи оно сказалось с особенной рѣзкостью.

Отрыв русских верхов от народных масс, который обыкновенно ставят в вину Петру Великому, начался задолго до него — под влияніем той же объективной нужды — догонять Европу. Как увидим, это обстоятельство объясняет многое в петровской реформѣ. Культурныя вліянія с юга и с запада проникали в Россію уже в XVI вѣкѣ. Если тогда они не произвели замѣтной трещины между верхом и низом, то это потому, что, во-первых, вліянія эти не шли слишком вразрѣз с московской традиціей, а во-вторых, — и это особенно любопытно отмѣтить, — что масса не была еще в состояніи сознательно отнестись к рецепціи иностранных идей и мод. Русская національная культура XVI столѣтія уже была в значительной части — иностраннаго происхожденія. Но так как ея иностранное происхожденіе не было замѣчено массой, то вполнѣ естественнаго эта культура уже стала считаться національной по преимуществу и противопоставалась новым иностранным вліяніям болѣе поздняго происхожденія. Этим позднѣйшим вліяніям народная масса уже противопоставила отпор, тѣм болѣе сильный, чѣм позднѣе была дата новаго заимствованія и чѣм со-

знательнѣе воспринимало население его происхождение. И на этом отпорѣ уже в XVII вѣкѣ совершилось начало того отдѣленія массы от правящихъ групп, в котором обвиняют Петра.

Правда, в XVII вѣкѣ это раздѣленіе еще не было окончательным, так какъ конфликтъ происходилъ все еще в предѣлахъ одного и того же религіознаго міросозерцанія. Дѣло было в том, что уже в срединѣ XVII вѣка из Кіева и из Константинополя пришли новыя культурныя вліянія, которыя показали, что національная культура XVI вѣка, уже успѣвшая стать святыней для народа, основана на невѣжествѣ и недоразумѣніяхъ. Высшее духовенство, при покровительствѣ правительства, попыталось произвести соотвѣтственную ревизию вѣры. Попытка эта была чрезвычайно скромная: рѣчь шла о перемѣнахъ в нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ и текстахъ, с которыми, однако, обѣ стороны соединяли значеніе догматовъ. Но этого, при тогдашнемъ уровнѣ культуры, оказалось достаточно, чтобы в глазахъ народной массы церковные ревизионисты представились еретиками. Подозрѣніе народа распространилось и на самое правительство, защищавшее церковную реформу. Все, что было в народѣ искренно вѣрующаго, ушло тогда из правительственной обновленной церкви в «старую вѣру», которую новая церковь поспѣшила объявить расколомъ (схизмой). вмѣстѣ с сецессионистами ушел и живой дух изъ официальной церкви. А в народныхъ низахъ стали дожидаться пришествія антихриста и кончины міра. Предшествовавшій Петру религіозный порывъ массъ уже привелъ к цѣлой эпидеміи самосожженій, с цѣлью бѣжать от грѣшнаго міра. И тогда же разбуженная народная совѣсть стала искать исхода на путяхъ сектанства.

Какъ разъ в этот моментъ явился Петр, одѣтый в нѣмецкое платье, только что вернувшійся изъ заграницы (народъ былъ увѣрен, что его там «подмѣнили»). Онъ сразу принялся за реформу церкви и внѣшняго вида русскаго человѣка. На верхахъ общества и в высшемъ духовенствѣ онъ нашелъ ту культурную пустоту, которая получилась вслѣдствіе ухода паствы отъ пастырей. Среди духовенства, принимавшаго новизну, не было охотниковъ страдать за «старую» вѣру. вмѣсто мучениковъ Петр встрѣтилъ в этой средѣ ученыхъ богослововъ, готовыхъ на компромиссъ. Вотъ почему не только его смѣлая реформа церкви — на протестантскій манеръ, — с замѣной «патріарха» «синодомъ», но даже и его святоотечественныя насмѣшки надъ патріархомъ — в видѣ знаменитаго «всемудрѣйшаго» и «всепьянѣйшаго собора» — дались ему такъ легко. Высшее духовенство готово было даже защищать в ученыхъ трактатахъ «Правду воли монаршей». Но совсѣмъ иначе отнеслись къ Петру народныя массы, сочувствовавшія неревизованной «старой вѣрѣ». Тонкости реформы были, конечно, народу недоступны. Но Петр далъ своей культурной реформѣ внѣшнее, наглядное для всѣхъ выраженіе. Онъ началъ европеизацію Россіи с перемѣны внѣшности, костюма, прически, бороды, а затѣмъ и привычекъ стараго

семейнаго и домашняго быта. Для Петра эта сторона реформы разумѣлась какъ-то сама собой. Быть может, инстинктомъ онъ понималъ громадное соціологическое значеніе внѣшняго символа. Обрить бороду и надѣть европейскій костюмъ — для современника Петра было, конечно, не менѣе страшно, чѣмъ перемѣнить феску на европейскій котелокъ для турка в несекуляризованной Турціи. Народъ понялъ перемѣну внѣшности, какъ перемѣну вѣры, — и «расколъ» получилъ теперь то знамя, котораго ему не доставало; пока споръ шелъ только о том, какой обрядъ правильнѣе, старый или ревизованный. Народная оппозиція Петру сосредоточилась на защитѣ стараго русскаго обличья.

Конечно, насильственно секуляризовать все міровоззрѣніе народныхъ массъ было невозможно, а вступать в борьбу с нимъ было опасно, — опасно прежде всего для успѣха самой реформы. Но этотъ вопросъ было чрезвычайно трудно отдѣлить отъ вопроса о секуляризаціи всей русскаго культурной жизни, а с секуляризаціей этой, даже и менажируя религіозныя привычки массы, все же нельзя было медлить безъ серьезной опасности для Россіи. Нельзя было ждать, пока поднимется культурный уровень массы, чтобы ввести в Россію современную науку и школу. Ибо тотъ уровень знаній и образованія, который былъ достигнутъ до Петра, отстоялъ отъ уровня Европы в нѣкоторыхъ случаяхъ на триста, а в нѣкоторыхъ и на пятьсотъ лѣтъ. И это можно сказать не только о неграмотной массѣ, а и о той немногочисленной интеллигенціи, которая уже начала опережать народные низы и даже успѣла вызвать ихъ протестъ.

Вплоть до времени Петра Россія пробавлялась жалкими обрывками культурнаго достоянія ближайшихъ сосѣдей, получая с огромнымъ запозданіемъ отъ нихъ то, что они сами с запозданіемъ получали отъ Запада. В концѣ XVII вѣка в Россіи учились грамотѣ по псалтырю и часослову: но этихъ учебныхъ книгъ приходилось по одному экземпляру на 2.400 жителей. Единственная грамматика тогдашняго литературнаго языка — Мелетія Смотрицкаго — существовала в одномъ только изданіи 1648 г. Второй разъ она была перепечатана только при Петрѣ в 1721 г. Изъ ариѳметики употреблялось только сложеніе и вычитаніе, а умноженіе, дѣленіе и дроби считались недоступной премудростію. Рѣдкія сочиненія по естественнымъ наукамъ, медицинѣ, исторіи основаны были на греческихъ и югославянскихъ оригиналахъ XII и XIII в. или на польскихъ и кіевскихъ передѣлкахъ XV—XVI вѣка. Школы грамотности были крайне рѣдки, среднихъ школъ вовсе не было, а в качествѣ высшей школы только в самомъ концѣ XVII вѣка открыта была, послѣ долгихъ колебаній, духовная академія в Москвѣ для подготовки къ богословскимъ наукамъ подъ руководствомъ преподавателей-грековъ. Однако, и эти учителя, болѣе благонадежныя, чѣмъ «латынцы», были немедленно запозданы в еретичествѣ и занятія в академіи приостановлены. Не только за чтеніе, но даже и за

обладаніе, без разрѣшенія академіи, иностранными богословскими сочиненіями можно было попасть на костер.

Петр подошел к наукѣ с иного конца, чѣм подходила московская Россія. Он цѣнил в наукѣ единственно ея утилитарное значеніе и особенно дорожил знаніями, без которых нельзя было заниматься его любимым военно-морским дѣлом. Вот почему первой школой в сухопутной Россіи оказалась... «Морская академія» с учителем англичанином. Жизнь, однако, исправила каприз Петра. В «навигационной школѣ» ученики научились, по крайней мѣрѣ, арифметикѣ и в 1716—22 г., по приказу Петра, разѣхались по провинціям, чтобы открыть 42 «цифирных» школы, гдѣ впервые начала преподаваться в Россіи арифметика. Увы, и этого скромнаго начинанія для петровской Россіи оказалось слишком много. Городскіе жители просили освободить их от обязательной повинности — посылать своих дѣтей в эту школу, — и 18 школ из 42 пришлось закрыть. Из 2000 учеников, набранных первоначально, только 300 окончили курс к 1727 г., и 500 оставалось в школах. Как ни странно, эта часть реформы оказалась преждевременной для Россіи. Учиться продолжали только тѣ, кому была практическая надобность в этом, — и учились не в школѣ, а, смотря по специальности, — купец — за прилавком, чиновник — в приказѣ, аптекарь — в аптекѣ (их было чрезвычайно мало), кораблестроитель — на кораблѣ. Нѣсколько удачнѣе было устройство при квартирах архіереев духовных школ — главным образом, для подготовки духовенства, в рядах котораго еще долго послѣ Петра было много неграмотных. Этих школ по приказу Петра было открыто до 46 и число их уже не уменьшалось до преобразования в семинаріи. Учились в них в 1727 г. около 3000 учеников. На всю Россію — это болѣе, чѣм скромно.

Не удалось Петру и его книгоиздательство, при помощи котораго он хотѣл замѣнить средневѣковые романы и повѣсти, начавшіе распространяться тогда, изданіем хороших учебников. Был, прежде всего, односторонен самый выбор учебников, назначенных Петром для перевода. Это были руководства по интересовавшим самого Петра отраслям прикладнаго знанія: артиллеріи и фортификаціи, инженерству и военной архитектурѣ, математикѣ, механикѣ, хирургіи, анатоміи, ботаникѣ и т. д. Перводчики были незнакомы с предметами, о которых шла рѣчь, и русскій язык еще не обладал в то время специальной терминологіей и вообще не был приспособлен к серьезному научному изложенію. Можно себѣ представить, что получилось в результатѣ. Переведенные учебники было почти невозможно понять. Петровскія изданія и пролежали на складѣ, пока в 1743 г. академіи наук (подготовленной к учрежденію Петром) не пришла в голову мысль, чтобы не пропадало казенное имущество, заставить чиновников купить обязательно эти книги на сумму по расчету 6% из жалованья, а купцов — «по препорціи их торгу». Однако, и это не удалось, и

петровскіе переводы пошли на обложку, когда книгоиздательство приобрѣло наконец болѣе жизненный характер.

Как видим, прививка культурнаго яда Петром была не особенно значительна. Плоды этой прививки, как в области школ, так и в области книгоиздательства, созрѣли только при Ека-теринѣ II.

VI

Подводя теперь итог сказанному, мы видим, почему реформа Петра была сразу и необходима и случайна, и органична и насильственна, и своевременна и черезчур поспѣшна. Она не только удовлетворяла назрѣвшую потребность, но и забѣгала вперед. Правда, забѣгая вперед, она указывала и подготовляла пути. Во всѣх этих отношеніях она была, несомнѣнно, глубоко-національна, — как націонален был и сам Петр. Только в Россіи из всѣх больших европейских стран, — разрыв с прошлым мог совершиться таким способом, каким совершил его Петр. Чтобы понять причину этого, достаточно сравнить культурную обстановку Россіи и Запада.

Прежде всего, на европейском западѣ в момент историческаго перелома существовала уже установленная культурная традиція, созданная церковью. Новая культура возникла не на пустом мѣстѣ; она была в извѣстной степени развитіем и измѣненіем старой, и это не могло не смягчить рѣзкости перехода. В области школы, на примѣр, свѣтская школа замѣнила духовную послѣ долгой борьбы, и наслѣдіем самостоятельности преподаванія осталась идея независимости науки от государства. Какая громадная разница с Россіей, гдѣ, как мы только что видѣли, не только свѣтская, но даже и церковная школа появилась по приказу правительства, которое при этом не натолкнулось ни на какую клерикальную традицію.

Еще ярче то же вліяніе западной церкви, почти отсутствовавшее в Россіи, сказалось в исторіи русскаго творчества. Вездѣ на Западѣ христіанство весьма рано овладѣло матеріалом языческой поэзіи, оплодотворило этой поэзіей христіанское воображеніе и дало толчок созданію богатой христіанской легенды, романа, повѣсти, поэзіи. Христіанство вдохновило и изобразительное искусство, скульптуру, живопись, музыку. Когда подоспѣл момент секуляризаціи, свѣтское творчество нашло религиозные мотивы готовыми — и овладѣло ими. Так явилась Божественная Комедія Данте, фрески Джотто, скульптура Донателло, музыка Палестрины. Надо признать, что кое-какіе начатки, вродѣ ранняго ренессанса, были и у нас в Россіи, конечно, под иностранными вліяніями. Но они пришли черезчур поздно, чтобы найти ту благопріятную обстановку для развитія, какую имѣл прерафаэлитизм. Это был уже не XIV вѣк, когда амальгама искренней, наивной

вѣры и прогрессирующаго искусства была на очереди в Европѣ. Это былъ конецъ XVII вѣка, когда изъ всѣхъ шелей пробивались въ Россію иностранныя вліянія совершенно иного, вполне свѣтскаго характера. И мы видѣли затѣмъ, что сама русская церковь уже не могла в то время возстановить и поддержать возрожденіе національнаго творчества (за исключеніемъ архитектуры): она сама уже была стерилизована, лишившись связи с народною массою. Любопытно, что нѣкоторыя проявленія юнаго національнаго искусства продолжались въ средѣ «раскола» и послѣ того, какъ господствующая церковь не только не поощрила ихъ, но отнеслась къ нимъ подозрительно и осудила ихъ. А когда пришла культурная реформа Петра, то, не встрѣтивъ противодѣйствія въ традиціи религіознаго творчества, она, сама того не замѣчая, задавила скромныя національно-религіозныя ростки, открывъ тѣмъ путь широкому потоку иностранныхъ образцовъ, готовыхъ если не для внутренняго духовнаго воспріятія, то для послушнаго копированія по заказу такъ же внѣшне европеизированнаго культурнаго класса. Такъ былъ и съ этой стороны облегченъ полный разрывъ съ прошлымъ, составляющій національную особенность Петровской реформы.

Необходимо указать еще на одну сторону, также объясняющую ту легкость, съ которой Петр опрокинулъ старую русскую традицію, нигдѣ не встрѣтивъ противодѣйствія. Это именно — социальный строй русскаго общества. Петр дѣйствовалъ не только въ культурной пустотѣ, онъ дѣйствовалъ также и въ социальной пустотѣ. Единственное вліятельное до Петра сословіе, боярство, находилось въ состояніи полнаго разложенія. Оно встрѣтило реформу угрюмымъ молчаніемъ, замкнувшись, поскольку было возможно, въ пассивное сопротивленіе. Петр это прекрасно понималъ — и потому ненавидѣлъ боярство. Еще при регентствѣ Софьи онъ удалил изъ своихъ потѣшныхъ полковъ, какъ съ огорченіемъ рассказываетъ намъ одинъ изъ удаленныхъ аристократовъ (Куракин), дѣтей «великихъ фамилій» и замѣнилъ ихъ «конюхами» и мелкопомѣстнымъ дворянствомъ. Что же касается дворянства, этотъ классъ во время Петра еще не сложился — какъ онъ сложился во время Екатерины II. Петру было легко провести мѣру, по которой всякій дослужившійся до офицерскаго чина солдатъ становился дворяниномъ. «Чинъ» отгѣснилъ происхожденіе. Эта демократизація общества дала Петру полную свободу обращенія — какой не зналъ даже XVII вѣкъ — съ тѣми невысокаго происхожденія приближенными, которые каждую минуту могли рискнуть изъ положенія фаворитовъ попасть въ тюрьму и на плаху. Друзей у Петра не было, — и въ концѣ царствованія онъ подозрѣвалъ всѣхъ, даже самыхъ довѣренныхъ людей, какъ Меньшиковъ, въ заговорѣ противъ него и противъ его реформъ. Только своимъ гвардейцамъ (бывшимъ «потѣшнымъ») онъ вѣрилъ до конца жизни и изъ ихъ состава назначалъ ревизоровъ, чтобы провѣрять своихъ вороватыхъ вельможъ. Въ разговорахъ съ иностранцами Петр не разъ повторялъ, что Людовикъ XIV имѣетъ передъ

нимъ то преимущество, что могъ пользоваться содѣйствіемъ «многихъ разумныхъ и смысленныхъ людей», тогда какъ онъ, Петръ, «съ самаго вступленія на престолъ въ важныхъ дѣлахъ почти не имѣетъ помощниковъ и поневолѣ завѣдуетъ всѣмъ самъ» (свидѣтельство Юля отъ 1710 г.).

Это было, конечно, не совсѣмъ такъ. Не «поневолѣ», а, напротивъ, по собственной волѣ Петръ «завѣдывалъ всѣмъ самъ». Этого требовала его безпокойная и властолюбивая натура.

VII

Здѣсь мы подходимъ къ послѣднему вопросу, который иногда ставится первымъ: къ вопросу о личности преобразователя. О Петрѣ его современники были и очень высокаго, и очень низкаго мнѣнія. Одни считали его гениемъ и великимъ государственнымъ человекомъ, другіе — простымъ ремесленникомъ, совершенно не интересующимся вопросами управленія. Но и тѣ, и другіе сходились въ одномъ: Петръ былъ богатъ одаренной, но примитивной натурой, съ сильными и недисциплинированными страстями и инстинктами, которые постоянно прорывались сквозь тонкую оболочку внѣшней культуры, съ трудомъ имъ усвоенной и не налажавшей на него никакихъ обязательствъ. Его положеніе во главѣ государства, не знавшаго сдержекъ закона и уваженія къ человѣческому достоинству, — а къ его времени потерявшаго и тѣ сдержки, которыя налагалъ даже на московскихъ самодержцевъ старый московскій бытъ, — давало полный просторъ проявленіямъ необузданной природы Петра. Ко всему этому у Петра существовалъ одинъ коррективъ: у него было чрезвычайно сильно развито чувство долга къ родинѣ и личной отвѣтственности за свою дѣятельность. Это сознаніе отвѣтственности и долга приняло въ его некультуривированномъ умѣ своеобразную форму «службы»: онъ «служитъ» — и получаетъ скромное жалованіе за службу. Въ записной книжкѣ 1705 года онъ записываетъ: «получено 366 рублей за работу на Воронежской верфи и 40 руб. за службу въ чинѣ капитана». Въ критическій моментъ Полтавской битвы Петръ командуетъ своей отдѣльной частью, подвергая себя одинаковой опасности со всѣми, хотя отъ его жизни и смерти зависитъ весь исходъ его реформы. Въ 1713 г. онъ идетъ въ рискованную морскую экспедицію, потому что «стыдно брать жалованье и не служить». Вообще, Петръ не мыслитъ абстрактно, и отвлеченныя идеи даются ему съ большимъ трудомъ. Свое пониманіе своей собственной государственной роли онъ укладываетъ въ упомянутыя двѣ лапидарныя формулы, подсказанныя иностранцами: «рожденіе россійской славы» и «введеніе добрыхъ порядковъ». Содержаніе этихъ понятій развертывается для Петра совершенно конкретно — въ томъ невѣроятномъ разнообразіи занятій, которыми онъ наполняетъ свой трудовой день, начинающійся въ четыре или пять часовъ утра. Въ книгахъ — а онъ читаетъ книги только по любимымъ специальностямъ

— Петр терпѣть не может «лишнихъ разсказовъ, которые время только тратят и у чужихъ охоту отъемлют». Ему нужно не разсужденіе, а вывод, не объясненіе, а рецепт. Петр — утилитарист, в котором нѣтъ ни капли сентиментальности. Часы досуга он наполняет пьянымъ разгуломъ, принуждая своихъ собутыльниковъ дѣлать эксцессы, которымъ можетъ безнаказанно предаваться его богатѣйшая натура. Отношенія Петра къ женщинамъ чрезвычайно примитивны. Вся обстановка его жизни до послѣдней степени проста. Он не терпит роскоши и изысканности в домашнемъ обиходѣ, не любитъ жить во дворцахъ и предпочитаетъ тѣсную рабочую комнату с низкимъ потолкомъ.

Вся натура Петра направлена не на размышленіе, а на дѣйствіе, — притомъ дѣйствіе немедленное и конкретное. Большое и малое, важное и неважное, идетъ тутъ в перемежку. Петр строитъ крѣпости — и дергаетъ зубы у невольныхъ кліентовъ, пишетъ свою исторію и составляетъ подробныя инструкціи о выборахъ «всешутѣйшаго» патріарха-папы, принимаетъ пословъ и точитъ на токарномъ станкѣ, составляетъ проекты реформъ и правила дрессировки собакъ. Такъ проходитъ день за днемъ, не оставляя Петру никакого досуга для систематической мысли. Всякое замедленіе в исполненіи его желаній, хотя бы преходящихъ, выводитъ Петра из себя. Для окружающихъ это тѣмъ тяжелѣе, что желанія Петра безпрестанно мѣняются. «Продолжительное занятіе однимъ и тѣмъ же дѣломъ повергаетъ Петра в состояніе безпокойства», говоритъ Юль. Руководимый минутными настроеніями, Петр совершенно не въ состояніи выдержать заранее условленный маршрутъ. Во время его путешествія во Франціи устроители его поѣздки и всякихъ пріемовъ и церемоній сбились с ногъ и пришли в полное отчаяніе. Петр никогда не останавливался тамъ, гдѣ его ожидали, мѣнялъ назначенныя для него помѣщенія на другія, самъ устраивалъ распредѣленіе своего дня, причемъ никто не зналъ, что онъ будетъ дѣлать не только в ближайшій день, но и в ближайшій часъ. Петр совершенно не признаетъ этикета. В Берлинѣ, в 1712 г., онъ прямо отправляется къ королю и застаётъ его в постели. В Копенгагенѣ, придя в слишкомъ ранній часъ къ Фридриху IV, онъ врывается къ нему черезъ толпу придворныхъ. В Парижѣ онъ такъ же врывается къ мадамъ Ментенонъ, садится возлѣ ея кровати, потомъ раздвигаетъ занавѣски ея кровати и, разсмотрѣвъ в непосредственной близости постарѣвшее лицо возлюбленной Людовика XIV, рѣзко поворачивается спиной и уходитъ. Ненасытное любопытство и желаніе все видѣть, провѣрить и испробовать лично составляютъ одну изъ самыхъ главныхъ чертъ его характера.

Извѣстная болѣзнь Петра, усиленная неумѣреннымъ образомъ жизни, еще увеличила его импульсивность и быстроту перехода отъ одного настроенія къ другому. Постоянныя вспышки гнѣва дѣлали общеніе с Петромъ небезопаснымъ, ибо в гнѣвѣ онъ совершенно терялъ власть надъ собой. Вотъ эпизодъ, который Юль наблюдалъ лично.

Происходитъ празднованіе Полтавской побѣды (1710). Петръ веселъ и радостен. Вдругъ онъ покинулъ свое мѣсто в процессіи и помчался во весь опоръ. «Лицо его было чрезвычайно блѣдно, искажено и уродливо. Онъ дѣлалъ страшныя гримасы и движенія головой, ртомъ, кистями рукъ и ступнями. Подъѣхавъ къ одному солдату, царь сталъ безжалостно рубить его обнаженнымъ мечемъ и осыпалъ ударами... Затѣмъ царь остановилъ свою лошадь, но все продолжалъ дѣлать гримасы, вертѣть головой, кривить ротъ, заводить глаза, подергивать руками и плечами, дрыгать взадъ и впередъ ногами... Никто не смѣлъ къ нему подойти»...

Какъ этотъ темпераментъ отзывался на реформѣ? Къ тому, что сказано раньше, я прибавлю еще одну иллюстрацію: процессъ построенія Петербурга. Здѣсь, какъ и в другихъ случаяхъ, мы видимъ, при единствѣ цѣли, чрезвычайную расточительность усилій, напоминающую скорѣе работу стихійныхъ силъ природы, чѣмъ планомѣрную дѣятельность законодателя. То Петербургъ планируется на террасной Петербургской сторонѣ, на островѣ, — и тамъ строятся по приказу царя церкви, биржа, лавки, частныя дома, которые обязываются построить каждый дворянинъ. То вдругъ выходитъ рѣшеніе: перенести торговлю и главное поселеніе в Кронштадтъ. Снова тамъ по приказу царя каждая провинція строитъ огромный каменный корпусъ, — в которомъ никто никогда не будетъ жить и который развалится отъ времени. В то же время настоящій городъ строится между Адмиралтействомъ и Лѣтнимъ садомъ, гдѣ берегъ выше и наводненія не такъ опасны. Петръ опять недоволенъ. У него уже новая затѣя. Петербургъ долженъ походить на Амстердамъ; улицы надо замѣнить каналами. Для этого приказано — перенести городъ в самое низкое мѣсто — на Васильевскій островъ. Тамъ можно построить диги и наполнить улицы водой. И снова все дворянство поневолѣ принимается строить новые дома на Васильевскомъ островѣ. Умираетъ Петръ, — и начатая постройка забрасывается, Петербургъ, какъ и вся реформа, переживаетъ моментъ нерѣшимости: одно время кажется, что все погибнетъ. В 1728 г. дворъ и правительство Петра II (сына Алексѣя) переселились обратно в Москву «навсегда», и на стѣнахъ петровской столицы красовались объявленія, грозившія «бить кнутомъ нещадно» всякаго, кто заговоритъ о возвращеніи в Петербургъ. В этомъ же году саксонскій посланникъ Лефортъ сравнивалъ оставленное Петромъ наслѣдство с кораблемъ, который носится по волѣ вѣтровъ, угрожаемый бурей. «Огромная машина пущена наудачу; никто не думаетъ о будущемъ; экипажъ ждетъ, кажется, перваго урагана, чтобы подѣлится между собой добычу послѣ кораблекрушенія». Этотъ иностранецъ не принялъ во вниманіе, что помимо воли Петра существовало могучее подводное теченіе, направившее покинутый Петромъ корабль в опредѣленный фарватеръ, по прямому маршруту русской исторіи... Черезъ четыре года (1732) дворъ императрицы Анны переселился обратно в Петербургъ, правда, подъ предлогомъ, что это дѣлается только на время.

Я не буду продолжать характеристики Петра изображением многочисленных черт грубости, невоспитанности, жестокости и цинизма. Все эти черты принадлежат скорѣе эпохѣ, нежели лицу. Чтобы встрѣтить в Россіи другіе, болѣе утонченные нравы, иное, болѣе сознательное отношеніе к задачам государственной дѣятельности, болѣе цѣлесообразный способ управленія, нам нужно было бы уйти на полвѣка вперед от эпохи Петра, в эпоху Екатерины. Мы многократно называли имя этой государыни, при которой реформа стала уже вполне своевременна. Но, все же, это была — реформа Петра. С Екатерины II она только становится на твердую почву и развивается непрерывно и связно в данном Петром направлении — вплоть до послѣдней катастрофы. Иногда теперешніе властители Россіи претендуют на то, что Петр был тоже большевиком. Какая нелѣпость! Большевики, правда, в нѣкоторых отношеніях вернулись к насильственным приѣмам Петра. Но это только показывает, что они вернули Россію на нѣсколько вѣков назад. У них притом нѣтъ извиненія, которое давала Петру его эпоха, и не было той великой цѣли — привитія Россіи общечеловѣческой культуры, которая замѣнена теперь другим интернационализмом, утопичнаго и разрушительнаго характера. Цѣль Петра, при всей видимости разрушенія, была вполне реальная и конструктивная.

Но, конечно, эта реформа вышла такой, какой она только и могла выйти в то время. Она вышла насильственной, — не только потому, что социальная и культурная пустота переходнаго времени от московитства к европеизму открыла широкій простор произволу, но и потому, что многое в этой реформѣ, — в сущности, главное ея содержаніе, могло быть только сверху вложено в русскую жизнь. Не все в этой реформѣ оправдывалось данным моментом, но все было оправдано послѣдующим ходом исторіи. Реформа была національна, ибо соотвѣтствовала общему ходу русской исторіи, вносила извнѣ лишь техническія формы ея дальнѣйшаго развитія — и даже в этом отношеніи ограничилась только практически приложимым. Слѣпое подражаніе иноземным образцам реформа, правда, не предупредила: такой період неизбежно слѣдует вездѣ в отсталых странах за первой прививкой иностранных идей и институтов. Но, столь же неизбежно, період слѣпой ксеноманіи вызывает отпор слѣпой ксенофобіи. Так случилось и в Россіи, — и только послѣ этой лихорадки, слѣдующей за прививкой, начинается пора оригинальнаго національнаго творчества. Этот процесс преодоленія и поглощенія иностранной прививки был, несомнѣнно, ускорен Петровской реформой, которая, таким образом, принесла пользу даже в тѣх своих частях, в которых она пришла слишком рано. В этом смыслѣ реформа была также своевременна.

VIII

Можно было бы думать, что послѣ двухвѣковых споров и послѣ детальнаго научнаго изученія реформ Петра разногласія по ея поводу должны бы были прекратиться. Но этому препятствует то обстоятельство, на которое указано в началѣ этой статьи. Петровская реформа продолжает быть фактом современности, и введенная ею новизна еще не превратилась в старину. Противники этой новизны — тѣ же, что прежде. Но им приходится теперь бороться не с одним Петром, а со всем ходом новой русской исторіи, с ним связанным. Мало того, приходится в таком случаѣ отрицать и всю новую европейскую исторію, ибо Петровская Россія составляет ея неотъемлемую часть. Есть смѣлые люди, которые в угоду доктринѣ рѣшаются и на такое отрицаніе. В русской публицистикѣ появилась в послѣднее десятилѣтіе цѣлая школа религиозно-философских писателей, отрицающих, подобно критикам великой французской революціи, все, что в исторіи связано с освобожденіем человѣческой мысли, воли и чувства от оков средневѣковой религіи. В свои конфессіональныя рамки они хотѣли бы упрятать все человѣчество. Естественно, что в такой схемѣ не умѣщаются ни тѣ два вѣка, которые прошли со времени Петра, ни тѣ шесть вѣков, которые отдѣляют современность от европейскаго средневѣковья. И нашим мистикам остается объявить эти долгіе вѣка расцвѣта — сплошным заблужденіем и грѣхом. В Европѣ эти аргументы извѣстны со времен де Местра. Они обновлены в новѣйшее время ученіем о «сумерках Европы». В Россіи послѣдователи этих ученій пытаются перестроить по-своему всю линію развитія русской интеллигенціи, исключив Петра и возстановив допетровскую умершую традицію русскаго средневѣковья. Если с Петром начинаются «сумерки Россіи», то наш Петр оказывается в хорошей компаніи. Ибо в Европѣ тѣ же «сумерки» начинаются с изобрѣтенія Гутенберга, с проповѣди Лютера, с поэзіи Петрарки и с картин Рафаэля.

Есть и другое теченіе, менѣе антиисторическое, болѣе считающееся с законами исторической закономерности и, тѣм не менѣе, во имя этих самых законов, объявляющее, что Россія — на невѣрном пути. Россія, все-таки, не Европа, говорят сторонники этого ученія. Она — Евразія или просто Азія. А в Азіи — свои законы развитія. Посмотрите, сколько старых самостоятельных и блестящих культур развилось на этой экзотической почвѣ в древнее и новое время. Египет, Индія, Китай... Почему же непременно европейская культура должна считаться нормой и образцом?

Двѣсти лѣтъ спустя послѣ своей смерти Петр оказывает нам услугу, вооружая нас аргументами против этой соблазнительной теоріи. Да, всякая національная исторія — своеобразна. Но развѣ не своеобразен в величайшей степени и сам Петр со своей реформой? Читатели этой статьи отдадут себѣ отчет в том, как

много в ней специфически русского. И тем не менее, при всем своеобразии этой реформы, разве Петр не пошел путем общечеловеческой или, по крайней мере, общеевропейской культуры? Если бы еще, пойдя этим путем, он действительно оказался таким насильником, каким изображали его прежние противники, тогда еще можно бы было говорить, что он завел Россию на неправильный путь. Но тогда, прежде всего, сама реформа не уцелела бы. То обстоятельство, что она уцелела и развилась после Петра уже не насильническим, а добровольным методом, само по себе доказывает, что европейский путь не был чужд России. А если вспомним научные доказательства того, что реформа Петра началась уже в XVII веке, что она с ним органически связана, то нам придется и мнимое отклонение России с праваго пути, ее великий грех перенести вглубь истории, на столетие раньше. В этом сопоставлении не XVII век протягивается в XVIII, а, наоборот, XVIII век уже начинается в XVII.

Подобных многовековых «ошибок» в истории не бывает. Реформа Петра и ее прецеденты доказали, а постеріори, что в русском народе есть органические элементы европейского развития и что, вполне оставаясь своеобразной и национальной, русская история именно поэтому развивалась по законам европейской, а не азиатской культуры. Реформа Петра удалась — и ее удача показывает, что дело тут было не в простом заимствовании извне, а в могучем импульсе к развитию внутреннего процесса. Отрицать теоретическую возможность такого импульса могут только те, кто вообще отрицает возможность культурного взаимодействия между народами и стоит на той точке зрения, что культурно-исторические типы несводимы друг к другу, как зоологические типы. Таково, действительно, было учение германского философа истории Рюккертта, усвоенное эпигоном наших славянофилов, Николаем Данилевским. В веке эволюционной теории, когда неподвижность типа отрицается даже и в области зоологии, учение «расистов» всех видов приходит слишком поздно.

Так или иначе, теоретическая или практическая оппозиция Петру постоянно заводила и продолжает заводить в тупик самих оппонентов. Преклонимся же перед Петром в дни его двухсотлетней годовщины и поблагодарим его от имени многих поколений русской интеллигенции за то, что своей деятельностью он освободил нас от доказательств, что Россия — не Азия, и за то, что его реформа и теперь продолжает служить живым опровержением и защитой от новоявленного русского обскурантизма.

П. Милюков.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРООБРАЗЫ ГЕРОЕВ „ВОЙНЫ И МИРА“

I.

КНЯЖНА МАРЬЯ БОЛКОНСКАЯ И M-LLE BOURIENNE

(По дневнику кн. Д. М. Волконского)

У меня под руками слишком мало в настоящее время библиографического материала, касающегося Л. Н. Толстого, для того, чтобы я мог дать соответствующий историко-литературный комментарий к тому новому любопытному документу, с которым познакомится ниже читатель. Это — выдержки из неопубликованного еще многотомного дневника кн. Дмитрия Михайловича Волконского, приходившегося племянником родного дяди Л. Н. Толстого по матери — екатерининского генерал-аншефа кн. Николая Сергеевича Волконского, образ которого столь ярко запечатлел автор «Войны и Мира» в лице Болконского, владельца «Лысые гор», т. е. Ясной Поляны *).

Нам приходилось уже упоминать о дневнике Д. М. Волконского, помнящая отрывки из него, касающиеся отечественной войны, в № 4 «На чужой стороне». К сожалению в моем распоряжении не полная копия этого дневника (целиком не сохранившегося), а лишь те отрывки, которые я смог в свое время скопировать с дневника, найденного мною в собрании Андрея Александровича Титова, известного собирателя исторических документов и создателя музея в Ростовь-Ярославском.

Помещаемые ныне отрывки из дневника Волконского за 1821—22 г. посвящены исключительно взволновавшему в то время всю фамилию Волконских семейному эпизоду, главным действующим лицом которого, повидимому, являлась дочь Николая Сергеевича, княжна Мария Николаевна, т. е. мать Л. Н. Толстого. Она выведена была в романе в лице княжны Марьи, судя по лич-

*) В романе, как известно, Лысыя горы территориально перенесены в Смоленскую губернию.

ным воспоминаниям автора, с большим приближением к действительному облику. Дѣло касалось женитьбы одного из Волконских на m-lle Hénissienne, подругѣ княжны Маріи Николаевны, причем эта свадьба происходила при активном содѣйствіи послѣдней. M-lle Hénissienne — это компаніонка княжны Марьи, названная в романѣ m-lle Bourienne, согласно манерѣ Толстого измѣнять в подлинных фамиліях «нѣкоторыя буквы».

В романѣ Толстого, как извѣстно, художественный замысел тѣсно переплетался с правдой исторической.

... «Задача художника и историка — писал Толстой — совершенно различна, и разногласіе с историком в описаніи событий и лиц в моей книгѣ не должно поражать читателя. Но художник не должен забывать, что представление об исторических лицах и событіях, составившееся в народѣ, основано не на фантази, а на исторических документах, насколько могли их сгруппировать историки; а потому, иначе понимая и представляя эти лица и событія, художник должен руководствоваться, как и историк, историческими матеріалами. Вездѣ, гдѣ в моем романѣ говорят и дѣйствуют историческія лица, я не выдумывал, а пользовался матеріалом» *).

Правда, Л. Н. Толстой дѣлал оговорку: «Я бы очень сожалѣл, ежели бы сходство вымышленных имен с дѣйствительными могло бы кому-нибудь дать мысль, что я хотѣл описать то или другое дѣйствительное лицо, в особенности потому, что та литературная дѣятельность, которая состоит в описаніи дѣйствительно существующих или существовавших лиц, не имѣет ничего общаго с тою, которою я занимался» **).

Тѣм не менѣе, его роман может быть назван отчасти в нѣкоторых своих частях и фамильной хроникой: «чтеніе романа — не без основанія замѣчает біограф Толстого П. И. Бирюков — может дополнить свѣдѣнія о бытѣ и характерѣ предков и родителей Льва Николаевича». Поэтому представляет большой историко-литературный интерес прослѣдить хотя бы с внѣшней стороны, как претворялись в художественном творчествѣ Толстого извѣстныя ему событія их семейной хроники.

Дневник кн. Д. М. Волконскаго как-раз дает фактическій матеріал для подобнаго сопоставленія и, прежде всего, для характеристики отношеній княжны Марьи и m-lle Bourienne. Описываемый в дневникѣ эпизод интересен и сам по себѣ, как рассказ о мало извѣстной страницѣ из жизни матери творца великой исторической эпопеи Александровскаго времени, рисующій эпоху и людей.

«M-lle Hénissienne эта — пишет Толстой в своих воспоминаніях — вышла замуж за двоюроднаго брата матери князя Михаила Александровича Волконскаго»... Не совсѣм так, как видно

*) Приложение к «Войнѣ и Миру», изд. «Слово», т. VIII, 538.

**) Ibid. стр. 533.

из дневника кн. Дм. Мих.: вышла замуж за кн. Волконскаго сестра той Hénissienne, которая была подругой матери Л. Н. Толстого — вторая Hénissienne была компаніонкой или гувернанткой как раз в домѣ кн. Дм. Мих. Волконскаго.

Трудно в сущности сказать, в каких предѣлах мог пользоваться Толстой в період своего творчества фамильной перепиской. (Единственная серьезная работа об источниках «Войны и Мира» К. В. Покровскаго, напечатанная в сборникѣ «Война и Мир», который в годы войны был выпущен «Задругой» под редакціей Т. И. Полнера, дает в этой области очень мало). Во всяком случаѣ, очевидно, что дневниками кн. Дм. Мих. Волконскаго он не мог располагать.

Л. Н. Толстой с хорошим чувством вспоминал «милую старушку, двоюродную сестру моей матери» *) княжну Варвару Александровну Волконскую, с которой он познакомился в 50-х годах в Москвѣ и которая «разсказывала мнѣ про старину, мою мать, дѣда» **). Относительно Hénissienne, Толстой преимущественно как-раз слышал от своих «тетушек»: или слышал неточный рассказ или воспринял не точно, как мы видим в вопросѣ о свадьбѣ его двоюроднаго дяди. В своих воспоминаніях Л. Н. Толстой в таких словах характеризует отношенія, существовавшія между его матерью и m-lle Hénissienne***): «Думаю, что мать любила моего отца, но больше, как мужа и, главное, отца своих дѣтей, но не была влюблена в него. Настоящей же ея любви, как я понимаю, были три или четыре: любовь к умершему жениху, потом страстная любовь с французенкой Hénissienne, про которую я слышал от тетушек и которая кончилась, как кажется, разочарованіем»... Вѣроятно, к обѣим сестрам Hénissienne надо отнести позднѣйшую выдержку из письма матери, которую приводит Толстой для характеристики ея дружбы с французенкой: «я отлично лажу с обѣими, я занимаюсь музыкой, смѣюсь и дурачусь с одной, говорю о чувствах, пересуживаю пустоту свѣта с другой, любима до безумія обѣими, каждая дѣлает мнѣ свои признанія, и я их мирю, когда онѣ ссорятся; так как трудно себѣ представить дружбу болѣе бурную и болѣе страстную, чѣм ихняя. Постоянныя неудовольствія, слезы, утѣшенія, брань и вдруг порывы восторженной и романтической дружбы. Словом, вижу как в зеркалѣ, дружбу, которая оживляла меня и смущала мою жизнь в теченіе нѣскольких лѣтъ. Я смотрю на них с невыразимым чувством, иногда завидую их иллюзіям, которых у меня уже нѣтъ, но сладость которых я знаю. Говорю откровенно, счастье прочное и дѣйствительное зрѣлаго возраста, стоит ли оно оча-

*) Бирюков, Біографія Толстого, I, 38. Изд. Ладжжнкова.

**) В. А. Волконская, племянница дѣда Л. Н.—ча; сестра того Михаила Алекс. Волконскаго, который женился на Hénissienne.

***) Бирюков, I, 44.

ровательных иллюзий юности, когда все бывает украшено все- сильным воображением? Иногда я улыбаюсь их ребячеству»...

Это характерное письмо не надо забывать при чтении отрывков из дневника кн. Дм. Мих., говорящих о «непристойном поведении кн. Марьи Ник.»...

Русский читатель слишком хорошо знает «Войну и Мир» — и едва ли надо ему напоминать даже отдельные эпизоды. Лишь в цѣлях болѣе отчетливаго сопоставленія событій, протекавших в романѣ, с записями из дневника кн. Д. М. Волконскаго, напомним нѣкоторыя черты, характеризующія m-lle Bourienne и отношенія к ней княжны Марьи. Читатель сам усмотрит, сдѣлав нѣкоторыя сопоставленія, как творчество романиста претворяло в художественной формѣ заимствованное из жизни. Читатель помнит, что m-lle Bourienne выступает в романѣ в видѣ «хорошенькой бѣлокурой француженки», веселой и жизнерадостной, умѣющей оставаться «с сияющим лицом» даже тогда, когда старый князь был не в духѣ: «тяжелѣе всего для княжны Марьи было то, что она знала, что в этом случаѣ надо поступать, как m-lle Bourienne, но не могла этого сдѣлать».

Андрею Болконскому «очень не нравится m-lle Bourienne», но княжна Марья ее горячо защищает:

— О нѣтъ! Она очень милая и добрая, а главное — жалкая дѣвушка. У нея никого, никого нѣтъ. По правдѣ сказать, мнѣ она не только не нужна, но и стѣснительна. Я, ты знаешь, и всегда была дикарка, а теперь еще больше. Я люблю быть одна. Моп рѣе ее очень любит... Моп рѣе взял ее сиротой sur le pavé, и она очень добрая»...

Для сопоставленія романа с дѣйствительностью надо напомнить еще эпизод с кн. Анатолием Куракиным при посѣщеніи его с отцом кн. Василием «Лысых Гор», в цѣлях святотства к княжнѣ Марьѣ.

«M-lle Bourienne, взведенная тоже пріѣздом Анатоля на высокую степень возбужденія, думала в другом родѣ. Конечно, красивая молодая дѣвушка без опредѣленнаго положенія в свѣтѣ, без родных и друзей и даже родины, не думала посвятить свою жизнь услугам князю Николаю Андреевичу, чтенію ему книг и дружбѣ к княжнѣ Марьѣ. M-lle Bourienne давно ждала того русскаго князя, который сразу сумѣет оцѣнить ее превосходство над русскими, дурными, дурно одѣтыми, неловкими княжнами, влюбится в нее и увезет ее; и вот этот русскій князь, наконец, пріѣхал»...

И вот мысли княжны Марьи, когда обнаружилось легкомысліе Анатоля и бѣдной Amélie. «Мое призваніе другое», думала про себя княжна Марья, «мое призваніе — быть счастливой другим счастьем, счастьем любви и самопожертвованія. И что бы мнѣ это ни стоило, я сдѣлаю счастье бѣдной Amélie. Она так страстно его любит. Я все сдѣлаю, чтобы устроить ей

брак с ним. Ежели он не богат, я дам ей средства, я попрошу отца, я попрошу Андрея. Я так буду счастлива, когда она будет его женою. Она так несчастлива, чужая, одинокая, без помощи!»...

В жизни мечты Amélie (или ея сестры) осуществляются: она выходит замуж за князя Волконскаго, а княжна Марья, в дѣйствительности, единственная дочь своего отца, матеріально обезпечивает молодоженов, вопреки протестам родни.

С. Мельгунов.

ИЗ ДНЕВНИКА КН. Д. М. ВОЛКОНСКАГО*)

1821 г.

Февраля 16.

Кн. Марья Николаевна писала ко мнѣ и требовала, чтобы я заплатил ей 50 т. руб., которыя давал мнѣ покойный дядя**). Тѣм страннѣе сіе требованіе, что она продала подмосковную, положила деньги в ломбард на имя мамзельки.

Февраля 26.

Княжна Варвара Александровна ѣздила объясняться с княжной Марьей Николаевной на счет женитьбы Михаила Александровича на Марьѣ Ив. Генисіеновой. Она ей формально объявила и свое желаніе и участіе ея в составленіи сей свадьбы, что против общаго желанія всѣх родных; братья всѣ очень огорчились и желают отклонить такой неприличнѣйшій выбор. Сей мерзкѣйшій поступок княжны Марьи Ник. крайне огорчил всѣх нас.

Марта 11.

Вечеру получил я письмо от дяди Андрея Сергѣевича, которым объясняет он при старости его сколь огорчительно ему поведеніе безсовѣстное княжны Марьи Ник. и поощреніе ея на женитьбу Михаила с мамзелею, живущей у нас. Просит меня с нею о сем переговорить и стараться отвлечь от сего постыднаго дѣла.

*) Ориографію подлинника, для удобства чтенія, мы не сохраняем.

***) Кн. Николай Сергѣевич умер 3 февраля 1821 г. в «Ясной Полянѣ». По роману Толстого старик Болконскій умирает в 1812 г.

Марта 14.

Объяснялся я и Волконские с княжной Марьей Ник. о постыдной женитьбѣ кн. Михаила и о непристойном ея поведеніи в сем дѣлѣ, также о неприличной ея дружбѣ к мамзели и довѣренности.

Марта 16.

Объясчал быть у меня князь Мих., дабы обще с братьями его переговорить и отклонить его от женитьбы на мамзели; но он не бывал и прислал письмо, наполненное жалоб на братьев, гдѣ объявляет рѣшимость свою жениться на мамзели. Я послал его письмо кн. Андрею Сергѣевичу и писал ему, что по письму его, хотя и уговаривал, но не мог вразумить ни княжну Марью Ник., ни кн. Михаила.

В вечеру узнал я, что Свѣчин Дмитрій Петрович писал дерзкое письмо княжнѣ Марьѣ Ник., в коем упоминал, что будто она по добротѣ своего сердца содержит у себя заведеніе, подобное, как в Англіи, гдѣ обращают развратных дѣвушек; то, что ея мамзели видно еще не совсѣм исправилась, потому что Лизавета при нем хвастала быть замужем за его братом и о сем говорила за своего двоюроднаго брата, то он предупреждает, чтобы удержала она своих мамзелей хвастать женихами, особливо его родными. Я слышал, что княжна Марья Ник. изорвала сіе письмо и к нему писала, что, конечно, за нее вступятся родные матери ея, полагая, может быть, будто я знал о сем, или ея увѣрили в том Генисіены. Грустно знать в таких мерзких исторіях дочь покойнаго моего друга и дяди князя Николая Сергѣевича и от жиущих у нея мамзелей, по их интригам.

Марта 18.

Был у меня в первый раз в домѣ Дмитр. Петр. Свѣчин, читал свое дерзкое и ироническое письмо княжнѣ и ея отвѣт, я ему выговаривал и дал чувствовать непристойность его поступка; и тогда же писал княжнѣ Марьѣ Николаевнѣ, что только узнал о сем и сожалью, что она меня о сем не увѣдомила, что я принимаю в ней участіе, не взирая на личное между нами; она по глупости своей отвѣчала мнѣ, полагая, что я о сем уже знал.

Апрѣля 24.

Вѣнчали в нашем приходѣ кн. Михаилу Александровича на мамзели Генисіен Марьѣ Ив. На сей свадьбѣ никого из нас родных не было, кромѣ княжны Марьи Николаевны, которая составила сію свадьбу вопреки родных всѣх; нанимали же они дом Каменских на Никитской и заплатили на один мѣсяц 1000 р., что-

бы сдѣлать свадьбу. Также имѣли дурачество нанимать придворных офиціантов дорогою цѣною для свадьбы.

1822.

Мая 9.

Слухи есть уже, что княжна Марья Ник. дает орловскую свою деревню женѣ кн. Мих. и сестрѣ своей мамзели Генисіен и будто сама помышляет итти замуж за сына покойнаго графа Ильи Андреевича Толстова; между тѣм она от всѣх родных отца своего отстала и к несчастію дѣлается посмѣшище своею связью, дружбою с Генисіенами.

Мая 17.

Поутру узнал я к прискорбію, что у княжны Марьи Николаевны люди, узнав, что она рѣшается отдать орловскую свою деревню сестрѣ мамзели Генисіен, что замужем за кн. Михайлом, и что уже Генисіенки приготовили бумагу ей подписывать, на колѣнах просили, чтобы не слушалась и объясняли мерзость их поступков и обманы мнимаго ея друга, за что Петрушку приказано было послать на съѣзжую, но всѣ люди пошли с ним сами в полицію и оказали дух возмущенія, потому и были разсажены в разныя части. Я о них ѣздил просить обер-полицеймстера, и вечеру их выпустили.

Был я также у княгини Трубецкой и видал тут графа Толстова, сына Ильи Андреевича, котораго мнѣ рекомендовала княжна женихом княжны Марьи Николаевны, но, не зная ничего от нея, меня сіе удивило. Переговоря с Трубецкою о необычайном и публичном случаѣ в домѣ княжны М. Ник. и о непристойном ея поведеніи противу родных, о разореніи ея Генисіенкою, совѣтовал я отклонить укрѣпленіе ею деревни кн. Михайлѣ.

А поутру Аникеев заплатил княжнѣ мой долг 50 т. и привез мнѣ мою росписку, которую давал я покойному отцу ея и благодѣтелю моему. Непристойное ея поведеніе и пагубные совѣты мнимаго ея друга разлучили от нея родных ея и разстроили уже состояніе.

Мая 19.

Поутру вмѣсто того, чтобы приѣхать ко мнѣ и ко всѣм родным отца своего, княжна Марья Ник. не послушалась тетки своей Трубецкой, написала ко мнѣ преглупое и даже дерзкое письмо, объявляя о рѣшимости своей вступить в брак с графом Николаем Ильичем Толстым, но говоря, что никогда не разстанется с пагубным другом своим мамзелью Генисіен, а чтобы о сем с нею болѣе и не говорить, я послал сіе письмо чрез княжну Варвару Петровну княгинѣ Трубецкой.

Мая 20.

Поутру была у нас княгиня Трубецкая*), привозила княжну Марью Ник. извиняться в глупости ея и привозила жениха рекомендовать и звала 21-го на стговор, гдѣ мы и были с княжной Варварою Петровою. Обѣдали у Трубецких. Жених и невѣста были благословлены образами, со мною говорил о многом жених касательно пагубных совѣтов мамзели Генисіен. Княжна же Марья Николаевна перевела 75 т. векселей кн. Михайлѣ, к чему принудили ея Генисіенки и Плахова.

Мая 27.

Был у меня жених граф Ник. Ильич Толстой и говорил откровенно о княжнѣ Марьѣ Ник. и о затѣях Генисіенки, будто бы Киселев помышляет на ней жениться.

Июля 12.

Была свадьба графа Ивана Анисьевича Пушкина с княжной Урусовой, а княжны Марьи Николаевны Волконской с графом Толстым была 9 числа, о сем ко мнѣ пишет княгиня**).

Ноября 28.

Был у меня князь Михайла Алекс. и просил прощенія за глупое письмо, что писал ко мнѣ о родных при женитьбѣ своей на Генисіенкѣ; увѣрял, что не имѣет никакой связи с их семейством и сам с ними не видится, однако же с родными братьями не мирился, и они видят его с неудовольствіем. Я совѣтовал ему начать примиреніе свое с родными его братьями, которые спрavedливо им оскорблены.

*) Тетка Мар. Ник.; кн. Н. С. Волконскій был женат на Екат. Дим. Трубецкой.

**) Напомним, что в романѣ женитьба происходит осенью 1813 г.

ПЕРЕПИСКА НИКОЛАЯ I И ФРАНЦА ЮСИФА

Печатаемые ниже письма извлечены из серіи писем, появившихся в вѣнской газетѣ Neue Freie Presse и обнаруженных в архивѣ покойнаго австрійскаго императора Франца-Юсифа. Эти письма, само собой разумѣется, представляют огромный интерес для исторіи Австріи и всей Европы в продолженіе долгаго царствованія Франца-Юсифа (1848—1916). Для русских же читателей, из опубликованных до сих пор документов, наиболѣе интересна, конечно, переписка между Францем-Юсифом и Николаем I. Часть этой переписки, касающаяся періода подготовки и начала Крымской войны, мы предлагаем читателю. Большая часть писем передана в полном переводѣ, из нѣкоторых вычеркнуты тѣ мѣста, которыя никакого общественнаго значенія не представляют. Письма писаны на французском языкѣ, так что вѣнская газета их печатает в переводѣ, а нам, конечно, приходилось уже, в свою очередь, переводить с нѣмецкаго.

Переписка богата деталями, чрезвычайно цѣнными для восточной политики Николая I, а также для политики вѣнскаго правительства. В началѣ письма носят совершенно идиллическій характер. Оба императора непрерывно увѣряют друг друга в любви и преданности, и их политическія отношенія как-будто совершенно безоблачны. Николай I увѣрен, начиная Крымскую войну, что он может вполне рассчитывать на Австрію, которая была спасена им всего нѣсколько лѣтъ до того, в 1849 г., когда венгерская революція, провозгласившая уже независимость Венгрии от Австріи, была подавлена, главным образом, русскими войсками генералов Паскевича и Лидерса. Ему и в голову не приходит мысль, что Австрія может занять позицію, не только не совпадающую с русской, но прямо враждебную Россіи. «Когда я говорю о Россіи, — сказал как-то Николай I незадолго до Крымской войны, — я имѣю в виду и Австрію», — до такой степени был он увѣрен в полной солидарности политики Австріи и Россіи. И когда восточный конфликт принимает постепенно все болѣе серьезный характер, и русскія войска вступают уже в дунайскія княжества, — Молдавію и Валахію, — Николай I в точности сооб-